

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ	13

Часть первая

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

ГЛАВА I. МЕРКАНТИЛИЗМ И АНТИМЕРКАНТИЛИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ	23
I. Меркантилизм	24
II. Руководящие идеи антимеркантилистской реакции	38
ГЛАВА II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНДИВИДУАЛИЗМА: от ГОББСА до МАНДЕВИЛЯ	47
I. Политические и экономические теории Т. Гоббса	51
II. Школа нравственного чувства	60
III. Б. де Мандевиль	67
ГЛАВА III. ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ во ФРАНЦИИ: ФИЗИОКРАТЫ	85
I. Школа физиократов	86
II. Теория естественного порядка	94
III. Заключение физиократов, касающиеся социального искусства	100
IV. Политические и налоговые теории физиократов.	109
ГЛАВА IV. ФОРМИРОВАНИЕ ДОКТРИНАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА в АНГИИ: Д. ЮМ и А. СМИТ.	116
I. Английская школа	118
II. Система естественной свободы.	124
III. Выводы для социального искусства, вытекающие из «системы естественной свободы»	142
ГЛАВА V. ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: ТЕОРИЯ ценности, ТЕОРИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ и ТЕОРИЯ РЕНТЫ	149
I. Теория ценности	151
II. Теория народонаселения	161

III. Теория ренты	174
IV. Заключение научного либерализма в области социального искусства	180

Часть вторая

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛИЗМА В XIX ВЕКЕ

ГЛАВА I. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАЗРАБОТКИ КЛАССИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ: Ш. ДЮНУАЙЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВОБОДЫ	194
I. Определение свободы	196
II. Государство как производитель безопасности	201
III. Свобода и государство	205
ГЛАВА II. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАЗРАБОТКИ КЛАССИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ): Дж. С. Милль и теория индивидуализма	213
I. Метод Стюарта Милля	216
II. Теория индивидуализма	221
III. Теория «стационарного состояния»	228
IV. Индивидуализм и социальные реформы	235
V. Общественный прогресс и социализм.	242
ГЛАВА III. ФОРМИРОВАНИЕ ОРТОДОКСАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: БАСТИА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ	251
I. Доктринальный экономический оптимизм около 1850 г.	252
II. Полемическое наследие Бастиа	256
III. Теоретическое наследие Бастиа	263
IV. Последователи Бастиа	275
ГЛАВА IV. СОЕДИНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: ТЕОРЕТИКИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ.	283
I. Демократическое общество и демократическое правление	286
II. Демократическое равенство и свобода	294
ГЛАВА V. СОЕДИНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (ПРОДОЛЖЕНИЕ). ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ СВОБОД	302
I. Необходимые свободы индивида	311
II. Ограничение функций государства	322

ГЛАВА VI. Индивидуалистическая интерпретация истории: Токвиль и Тэн	332
I. «Старый порядок и Революция»	336
II. «Происхождение современной Франции»	339
III. Ошибки Революции	343
ГЛАВА VII. Либерализм и христианство	358
I. Христианская идея власти: Ле Пле и школа социальной реформы	362
II. Христианская идея справедливости: социальный католицизм	376
III. Христианская идея любви: демократическое христианство и евангелическая солидарность	394
ГЛАВА VIII. Социологический индивидуализм	412
I. Синтетическая философия Герберта Спенсера	418
II. Индивидуалистическая философия после Спенсера	435
ГЛАВА IX. Индивидуализм антиэтатистский и анархический	452
I. Попытки определения роли государства в экономической сфере	459
II. Парадокс индивидуализма	465
III. Анархический индивидуализм Прудона	469
IV. Анархический индивидуализм Макса Штирнера	485
ГЛАВА X. Аристократический индивидуализм: его экономический и философский аспекты	494
I. Философия нищеты	496
II. Теория экономической роли элит	501
III. Философия аристократического индивидуализма	511
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	529
Фридрих Хайек Индивидуализм: истинный и ложный	553
КОММЕНТАРИИ	593
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	624
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	672

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга представляет собой сжатое изложение курса лекций по истории экономических учений, прочитанного для аспирантов в области политических и экономических наук. Интерес к лекциям, как мне показалось, проявленный лучшими из моих слушателей, натолкнул меня на мысль, что письменная версия курса могла бы пригодиться некоторым их товарищам и будущим соискателям.

Мне хотелось бы, чтобы книга была принята и более широкой публикой — теми, кто из любознательности интересуется общими идеями. Именно общие идеи экономистов прошлого и лучших экономистов современности я постарался систематизировать на страницах своей книги. Прошу только не бояться ее названия. Читатель, вероятно, часто слышал, что индивидуализм — это эгоизм, замкнутость индивида, поставленного перед необходимостью быть самодостаточным и равнодушным к другим; понятно, что есть веские причины для предубеждения против этого слова. Даже достойнейшие люди заблуждались, позволяя навязывать себе слишком буквальное, совершенно неверное его толкование, и многие считают себя весьма далекими от подобной доктрины, хотя в действительности они очень близки к ней. Общественное мнение охотно принимает на веру вымыслы и часто слепо в своих предрассудках и пристрастиях. Индивидуализм особенно пострадал от досадных искажений, которым его подвергали. Я хотел бы, чтобы он, подобно олимпийским богам, после своих земных проделок умывавшимся амброзией, полностью очистился от ошибочных интерпретаций.

Стремление добиться торжества какого-то общественно-го идеала всегда есть только проявление индивидуального характера, отражение глубочайших, поистине господствующих жизненных инстинктов индивида.

Ф. Ницше^{1* (*)}

Доктрины всегда ответственны за страдания или благоденствие общества. Всякое общественное движение выражает себя в доктринах. Они побуждают к делам и, в свою очередь, получают импульс от деятельности; так что в них — и причина, и показатель нравственного состояния эпохи.

Ш. Перен^{2*}

(*) Цифрами со звездочкой обозначены примечания переводчиков, помещенные в конце книги (Комментарии). См. дополнительную информацию в составленном ими аннотированном Указателе имен. — *Прим. изд.*

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь вообще и сложная цивилизованная жизнь в частности ставят человека перед необходимостью непрерывно принимать решения. В каждом из своих решений человек свободен или считает себя свободным. Поэтому он должен выбирать между факторами, склоняющими его принять то или иное решение. У него есть только один способ избежать без конца возникающих неуверенности и колебаний и внести в свое существование относительное единство: установить определенное число принципов, которые будут подсказывать ему, как вести себя при обычных обстоятельствах, когда от него требуется какое-то решение. Такие принципы, относящиеся, например, к морали, к гигиене и к различным профессиональным отраслям знания, могут быть выделены и объединены в зависимости от области, где они находят применение. В каждой из этих областей они составляют доктрину. Экономическая доктрина, таким образом, может рассматриваться как совокупность принципов или предписаний, определяющих нашу деятельность в экономической сфере.

У каждого из нас есть какая-то доктрина, относящаяся к политической экономии, так же как и доктрина, касающаяся морали или гигиены. Неважно, сознаем мы ее или нет. Г-н Журден^{1*}, как известно, был весьма удивлен, узнав, что он с малых лет говорит прозой. У нас не может не быть доктрины. Если кто-то утверждает, что свободен от всякой моральной доктрины, значит, он просто отвергает теологическую, официальную или утилитарную мораль и ставит на их место собственную доктрину, которая, вероятно, является моралью своеволия. Утверждая, что у них нет экономической доктрины, люди, по сути, говорят, что они считают необоснованными социализм, индивидуализм и аналогичные общие учения, не признают существования естественных законов, отрицают необходимость привести общество в состояние, отличное от нынешнего, а принимают

оппортунистическую доктрину, принцип которой можно определить так: стремление к максимальному удовлетворению в настоящем. Следовательно, сказанное Аристотелем о философии: «Εἰ φιλοσοφητέον, φιλοσοφητέον· εἰ δὲ μὴ φιλοσοφητέον, καὶ ἔτι φιλοσοφητέον, πάντως δὲ φιλοσοφητέον», — можно распространить за пределы философской области. «Если должно философствовать, то надо философствовать, если не должно, то, [чтобы это доказать,]^(*) опять-таки нужна философия, так что в любом случае надо обращаться к философии»^{2*}.

В том, что доктрины принимаются полусознательно, кроются некоторые опасности. Жизнь общества и ее улучшение — дела коллективные, предполагающие определенное содействие воль. Плохо, когда и первая и второе находятся в полной зависимости от случая, от непостоянного, импульсивного и мало просвещенного общественного мнения, которое в поисках своего пути ничем не защищено от непоследовательности. Власть общественного мнения становится все более деспотичной, и в зависимости от того, будет ли оно мудрым либо неразумным, наше личное существование окажется счастливым либо несчастным (постольку, поскольку в наше счастье и несчастье входят материальные элементы). Поэтому желательно, чтобы общественность ясно видела цель, к которой она стремится. Значит, надо, чтобы она обдуманно выбирала экономическую доктрину и, следовательно, знала доктрины, предлагаемые ей на выбор.

Некоторые экономисты рассматривают общественное мнение при нынешнем состоянии вещей как незрелое. С тех пор, как экономические явления стали предметом специальных исследований, прошло не более двух столетий; применять к ним строгие методы, требуемые современной наукой, попытались лишь несколько лет назад, и сейчас в этом направлении делаются еще только робкие шаги: одни выступают сторонниками исторического метода, другие — психологического, третьи — социологического, четвертые ориентируются на математический метод. По мнению вышеупомянутых экономистов,

(*) Здесь и далее текст в квадратных скобках принадлежит автору, в угловых — переводчикам. — *Прим. изд.*

прежде чем формулировать выводы и предписания, политическая экономия должна позаботиться о том, чтобы стать наукой, достойной этого имени. И потому роль экономиста, по крайней мере временно, на неопределенный срок, состоит единственно в том, чтобы констатировать факты, внимательно изучать их в прошлом и в настоящем, не претендуя влиять на будущее.

Если бы политическая экономия была только наукой, такая щепетильность заслуживала бы лишь одобрения. Но в действительности она одновременно является искусством, и это ее свойство, как мне представляется, налагает на нее и другие обязанности. Пока ученые терпеливо занимаются исследованиями и собирают материал, политическая жизнь идет своим чередом. В качестве правящих или избирателей нам постоянно приходится высказываться по вопросам, от решения которых невозможно уклониться. Хотим мы того или нет, в жизни мы почти каждодневно действуем как индивидуалисты или социалисты, протекционисты или сторонники свободы торговли. Должны ли мы допустить, чтобы эти вопросы решались случайными обстоятельствами, давлением существующих интересов, — когда на протяжении как минимум двух столетий столько великих умов увлеченно занимались проблемами того же порядка; когда их практический опыт может восполнить пробелы нашего опыта; когда они объяснили столько явлений, сбивающих нас с толку своей сложностью? Я так не считаю. Конечно, в политической экономии, более чем где-либо, абсолютные истины неуместны и принимаемые принципы требуют оговорки и терпимости. Может быть, принципы, которые кажутся нам сегодня твердо установленными, завтра будут опровергнуты, хотя в результатах, полученных благодаря новым методам, ничто этого не предвещает. Но из-за такой неопределенности (*incertitude*), в конечном счете сопряженной со всеми формами человеческого знания, не следует оставлять без внимания положительные данные, которыми уже располагают экономические доктрины. Если те, кто постоянно изучает эти вопросы и способен со всей искренностью дать связанный с ними компетентный совет, помогающий нам регулировать наше поведение, — если они откажутся от своей нынешней образовательной роли, кто же тогда попытается отвлечь от отдельных людей и целых

народов сокрушительные катастрофы, к которым может привести слепой оппортунизм и в которых может погибнуть не только богатство, но и сама душа нации?

Цель и польза истории экономических учений в том, что она по частям собирает информацию, позволяющую нам со знанием дела доверять или отказываться в доверии экономическим системам, добывающимся нашего одобрения. Эти системы многочисленны, и делать выбор между ними было бы трудно, если бы за их видимым разнообразием и видимым расхождением не скрывался вечный антагонизм двух направленностей человеческого ума, порождающих, когда наступает время, две основные противоположные доктрины, между которыми только и осуществляется выбор.

Есть умы, которые, в силу некой естественной склонности к пессимизму, с упорной односторонностью сосредотачиваются на социальном зле, т.е. на множестве несовершенств, существующих во всяком человеческом объединении, и усматривают их причину во внешнем факторе — общественном устройстве. Это устройство можно, а значит, и нужно изменить, если потребуется — насильственным путем. На смену прежнему придет новое общество, отвечающее какому-то идеалу справедливости, содержание которого, довольно неопределенное, зависит от времени, общества и живущих в нем людей. Этот идеал обычно называют *социальной справедливостью*, в отличие от Справедливости, которая мыслится единой и неизменной. Общество должно достигнуть известной моральной цели: оно должно быть справедливым; при отсутствии у него этого свойства его следует разрушить и заменить другим обществом.

Таким образом, общество есть некая реальная и конкретная сущность; это великая экономическая реальность. Индивид — продукт общественного устройства. Благодаря главной способности всякого мыслящего существа, Разуму, возможности совершенствования индивида безграничны. Он будет бесконечно приспособляться к морально улучшающейся социальной среде.

Подобная направленность ума, отмечаемая у политических деятелей, философов, литераторов, драматургов, журналистов, порождает у экономистов такую доктрину, как социализм.

И наоборот, есть умы, которые, не игнорируя неизбежных несовершенств в человеческих делах, естественно склонны принимать во внимание не только зло, но и благо, противопоставлять беспорядку гармонию, а главное — ограничивать свои реформаторские устремления областью, представляющей им достаточно узкой, — областью возможного. Они полагают, что зло зависит от причин двоякого рода и наша власть над ними неодинакова. С одной стороны, зло порождается естественными причинами, аналогичными тем, которые вызывают циклоны, бури и дожди, когда мы хотим солнца, и солнечную погоду, когда нам желателен дождь, и которые в конце концов обуславливают нашу смерть, независимо от наших достоинств, общественной значимости и жажды жизни. Пытаться повлиять на эти причины — пустая трата времени и плохая помощь в том, чтобы с подобающим смирением выносить превратности судьбы. Из-за действия этих причин экономическая жизнь и само общество не носят морального характера. Но они не аморальны — они имморальны, по крайней мере по своей сущности, как и явления физического и химического порядка. Мораль только смягчает последствия некоторых явлений. Так физик, объяснив, почему идет дождь и почему этому нельзя помешать, может, однако же, дать зонтик другу, оказавшемуся в затруднительном положении.

Но социальное зло отчасти зависит и от других причин, на которые мы в определенной степени можем влиять. Это причины не внешнего, а внутреннего порядка, коренящиеся в самой природе человека. Человек не способен совершенствоваться до бесконечности; в частности, в своем экономическом существовании он не подвержен побудительному влиянию Разума. Как правило, он действует, движимый личным интересом, а затем, по совершении действия, объясняет его рациональными соображениями. Человек так изошрился в этом упражнении, что часто заблуждается сам и вполне искренне думает, будто разум имеет над ним безграничную власть. При таком положении дел нелегко представить себе, чтобы в один прекрасный день какой-то мастер создания обществ, обладающий фантастической властью, искусственно, по продуманному плану, устроил золотой век. При любом перевороте в обществе чьи-то

интересы будут ущемлены, и пострадавшие назовут «социальной справедливостью» обеспечение для них лучшей участи. Учитывая сказанное, благоразумно было бы избегать таких переворотов, поскольку они никогда не достигнут своей цели и, напротив, могут нанести всем большой ущерб, уже не моральный и идеальный, а экономический и практический, поставив под угрозу то равновесие, которое, как бы то ни было, установилось в общественных отношениях. Это равновесие, сравнимое со здоровьем организма, так же как и последнее, устанавливается само собой. Общество, подобно новорожденному, появляется на свет со всеми своими органами. Важно понять их функционирование и их естественный порядок — не затем, чтобы его изменить, сколь бы нелогичным он нам ни казался, а затем, чтобы его смягчить.

У нас есть только один способ смягчения естественного экономического порядка: воздействовать на индивида. Говоря об обществе, мы в конце концов привыкаем смотреть на него как на соседа, с которым встречаемся каждый день. Это всего лишь игра ума. Общество — соединение индивидов, которые, составляя часть целого, не отказываются от своей личности. Разумеется, есть коллективная жизнь, коллективные эмоции, сочетающиеся с индивидуальной жизнью и индивидуальными эмоциями, но реальность, доступная нашему влиянию, — это в конечном счете индивид. Невозможно переделать общество в целом, так же как дорожному рабочему не под силу передвинуть сразу всю нагроможденную им кучу булыжников. Следовательно, воздействие на общество — то же, что воздействие на индивидов, объединенных в общество. Для совершенствования общества надо совершенствовать каждого из составляющих его индивидов, учитывая их реальные способности, вероятно, не столь нравственные, как нам бы хотелось, но действительные, и не приписывая людям несуществующих способностей. Нужно довести каждую единицу социального образования до полного расцвета.

Когда такая направленность ума претворяется в экономическую доктрину, она получает наименование «индивидуализм». Эта доктрина, предпочитающая энтузиазму размышление и, следовательно, предполагающая определенную зре-

лость человеческого ума, появилась лишь в XVIII в. и до сих пор встречает непонимание и превратное толкование со стороны тех граждан современных демократических государств, которые сохранили детское простодушие. После полууспеха, отчасти равнозначного для нас обществу, созданному Революцией, свободе труда, сегодня оказавшейся под угрозой, и свободе торговли, ныне принесенной в жертву, индивидуализм отступил в общественном мнении перед торжествующим социализмом. При любом политическом строе система, которая открывает людям глаза на их страдания, пусть даже те их не испытывали, и исцеляет локальную болезнь (что видно), подрывая при этом общее здоровье (чего не видно), обладает неодолимой притягательной силой. При всеобщем избирательном праве притягательная сила такой системы неизбежно удесятерится; соблазн существует, пока экономическое образование не придаст демократии критический дух, составляющий условие всякой научной подготовки, всякого интеллектуального прогресса и общественного процветания.

Однако индивидуализм все же уцелел. Какую бы форму ни принимала социалистическая идея, индивидуалистическая идея противостоит ей в политической, философской, исторической, религиозной и научной областях. Приверженцы индивидуализма есть не только среди экономистов, но и среди литераторов, драматургов и журналистов. Множественные экономические доктрины, которые делят между собой общественное мнение, — различные теории социализма, социальное христианство, школа Ле Пле и социальной реформы, кооперативизм, солидаризм и т.д. — представляют нам защитников всего двух идей: это более или менее решительные социалисты и индивидуалисты, не осознающие себя таковыми. Социализм, завладевший общественным мнением, известен или, вернее, мог бы быть известен в качестве экономической системы. Он подвергся вульгаризации и стал общедоступным. Индивидуализм постепенно низводится до положения элитарной доктрины, превращаясь как бы в подземное течение под руслом, где бурлит социалистический поток. Его признанные выразители в XIX в., те, кого называют либералами, не только не пробудили симпатию к нему, но и порой придавали этому яркому

учению об освобождении и о снятии ограничений неприглядный вид классовой доктрины, противоречащей всем современным устремлениям. Если терпение читателя еще не истощилось, надеюсь, он убедится, что эти устремления по большей части можно примирить с интеллектуальной осмотрительностью и взвешенностью, которые принадлежат к существенным признакам индивидуалистического духа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

Глава I

МЕРКАНТИЛИЗМ

И АНТИМЕРКАНТИЛИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ

Если верно, что среди основных типов человеческих характеров всегда существовал индивидуалист, то индивидуалистический дух мог породить экономическую доктрину только при сочетании определенных условий. Его история похожа на историю тех сказочных принцесс, которых судьба обрекает на сон до тех пор, пока не явится прекрасный принц, чтобы их разбудить. В Античности и в Средние века таких условий не было¹.

В Античности политическая экономия — служанка моральной философии. Под именем последней Ксенофонт, Сократ, Платон и Аристотель занимаются моральными рассуждениями или предаются коммунистическим мечтаниям. В своих моральных рассуждениях они восхваляют ограничение материальных потребностей и стремление к Высшему благу. О том и о другом должно заботиться аскетическое авторитарное государство. Коммунистические фантазии этих мыслителей, также связанные с аскетической идеей, строятся на восприятии общества как экономической системы, морально приемлемой постольку, поскольку она способствует намеренному сокращению общественного богатства.

В Средние века политическая экономия — служанка теологии. Единственная ее тема (если не учитывать частные теории

¹ Что касается библиографии к этой главе, ограничусь тем, что отошлю читателя к двум общим хорошо документированным классическим трудам: *L. Cossa. Histoire des Doctrines économiques* (Paris, Giard et Brière, 1899)^{1*} и *A. Dubois. Précis de l'Histoire des Doctrines économiques, t. I* (Paris, Rousseau, 1903), в особенности ch. II, sect. 2, «Sources», p. 146—175 (вышел в свет только один этот том).

денег у Буридана и Орема) — давно утратившая актуальность полемика между Отцами Церкви об оправданности ссуды под проценты или торговой прибыли и того, что считают ее неизбежной обратной стороной, а именно убытка одного из участников обмена.

В XVI в. экономическое развитие обществ эмансипирует социальную мысль и ломает тесные рамки, в которых она задышалась прежде. Теперь уже ставят вопрос не о том, должна ли страна богатеть, а о том, как ей вернее всего стать богаче. Чтобы ответить на этот вопрос, создаются различные экономические системы, но индивидуалистический дух не сразу переживает подъем. Так как он есть дух независимости и эмансипации, то, прежде чем воплотиться в доктрину, ему необходимо вступить в противоборство с духом подчиненности, принадлежащим к самой сути меркантилизма; а эту борьбу, где против него все историческое прошлое народа и сформировавшиеся под влиянием наследственности характеры людей, можно успешно вести только тогда, когда чрезмерное вмешательство государства уже принесло свои пагубные плоды. Истоки индивидуалистической доктрины — именно в меркантилизме и в порождаемой им либеральной реакции против интервенционизма.

I. Меркантилизм

Представляется, что формированию меркантилистской системы способствовали две политические идеи. Первая — идея национального единства: королевская власть в своей борьбе против сеньоров заменила этой идеей понятие существующих отдельно друг от друга местных экономик. Во время Столетней войны королевская власть защищала идею национального единства против внешнего врага; поэтическим символом этой защиты стала военная кампания, возглавляемая Жанной д'Арк. Новое, более широкое объединение, которое образовалось под именем нации, должно быть политически и экономически независимым.

Вторая идея — отождествление национальной экономики с тем, кто ее основал, т.е. с королем. Король — это отец сооб-

щества с такими атрибутами «отца», как созидание, защита, властвование. Власть, благотворное действие которой ребенок испытывает на себе в семье, постепенно перешла к сеньору, а затем к государю. Политическая и экономическая жизнь в целом являет собой сложный механизм, и король должен регулировать его, приводить в движение его колеса и пружины. Естественная функция правителя — обеспечение охраны порядка в королевстве. Государь как заведующий сообществом — это высшее лицо, управляющее экономической машиной.

До меркантилизма роль короля определялась системой снабжения и бульонизмом^{2*}. Система снабжения отвечает главной заботе бедного общества, в котором из-за трудности коммуникаций нет взаимосвязи между различными частями национальной территории. Король должен обеспечить — устройством хлебных складов или запрещением вывоза — необходимые продовольственные запасы, военные поставки во времена, когда войны ведутся постоянно, и поддержание в королевстве всех полезных для страны промыслов.

Бульонизм основывается на идее, тоже извлеченной из памяти о семейном хозяйстве: поскольку общество тем богаче, чем больше у него золота и серебра, глава государства должен максимально увеличивать его металлический запас. Экономической мощью обладают государства богатые, такие как торговые государства — Голландия и Англия — или государства, имеющие месторождения драгоценных металлов в Европе или в Новом Свете, например Испания. Распространенный предрасудок в данном случае может отстаиваться с помощью вполне убедительных доводов. Государь нуждается в деньгах и получает их путем взимания налогов; взимать налоги тем легче, чем больше золота или серебра у его подданных. С другой стороны, мудрость народов издавна признавала деньги «нервом войны». Если необходимость денежных средств на военные расходы ясна для современных государств, то тем более она должна быть очевидна для людей XVI века, не знающих финансовых операций, которые делают ее в наши дни менее настоятельной.

Итак, бульонизм заключается в совокупности рецептов и процедур, предназначенных привлечь на территорию государства и удержать здесь как можно больше драгоценных металлов.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru